

ПУШКИН И О ПУШКИНЕ

I

A. C. Пушкин

Три письма к неизвестной

1

Vous vous jouez de mon impatience, vous [vous] semblez prendre plaisir à me désapointer, [l'espoir de vous voir aujourd'hui m'avoit reveillé] je ne vous verrez donc que demain—soit. *[Cependant]* [il faut que je vous parle]. [je ne puis être] [il faut que] [je m'occupe] *[je [n'ai] ne puis m'occuper que de vous]*.

Quoique vous voir et vous entendre soit pour moi*[le bonheur]* [la volupté] j'aime mieux vous écrire que vous parler. [Vous] [d] [loin de vous] [Votre présence m'attriste et me découragent]. [mes paroles sont genée, mes sentiments pénibles]—

Il y a en vous une ironie, une malice qui [m'attriste] [aigrissent] [est] et [me] découragent. [mes] les sentiments [sont] deviennent pénibles, et [mes] les *[paroles]* du coeur se [glacent] tournent en pures plaisanteries. [en votre présence]. [Surement] vous êtes [un] le démon, c. à dire *celui qui doute et nie*, comme le dit l'Écriture.

[Vous] dernièrement—vous m'avez cruellement parlé du passé [et du] vous m'avois dit [tout haut] ce que [je] j' [ai] tâchois de ne pas croire—pendant 7 ans entiers. [étoit-ce] pourquoi-cela [vouliez vous vous venger] [la ve <ngeance>]

[vous n'] le bonheur est si peu fait pour moi, que je ne l'ai pas reconnu quand il étoit devant moi—Ne m'en parlez donc plus, au nom du Christ—[vous me faites connoître la rage] [un rem] le remords, si tout est que ja l'aurois connu, le remords [a] auroit eu sa volupté—[le] un regrêt pareil ne [laisse] [produit] laisse [qu'une rage] [que des larmes] à l'âme rien que des pensées [des] de rages [et des blasphèmes] de blasphème.

Chere Ellenore, permettez moi de vous donner ce nom qui me rapellent et [vos] [vos] [v] [et] [les charmes idéale] [une des femmes] et [mes] les lectures brulantes de mes jeunes (?) années [les] [le phantome] [le p] et le doux phantome qui [n] me seduisoit alors et [votre] [l'] [m] votre [e] propre éxistence si violente si [bouleversée par les passions] orageuse [si éloignée] [de votre des] [si éloignée] [de ce qu'] [si] [loin] si [elo] differente de ce qu'elle devoit être. —

Chère Ellenore, [il fut un tems] vous le savez [où votre voix votre regard] [que] [m'enivroit] où j'ai subi toute votre puissance. Si j'ai connu [l'ivresse] [tout] l' [abbattement] [des *нрзбр*] [toute] [la stupide ivresse du malheur, c'est à vous que je le dois]. C'est à vous que je dois d'avoir connu toute [la stupide ivresse de l'amour] ce [que l'ivresse] de l'amour a de plus convulsifs et de plus dou(oureux) — [vous] [connu tout ce qu'il a de plus] connu [m'avez été envoyé comme] [il ne me] tout ce qu'elle a de plus st(upide) et de plus stupide [n'a] [de tous les] ces [sentiments] [si convulsifs] [si] [douloureux] [il ne] et de tout cela il m'est resté [à me consoler] qu' [un] une faiblesse¹ de¹ convalescent¹ attachement, [que] bien doux, bien vrai, [et] et qu'un peu de crainte, [cette], [que] [je ne puis ne pas ressentir en présence d'un être aussi supérieur et malfaisant] qu'il m'est impossible de surmonter —

[Je sa] Si jamais vous lisez celà, je sais bien ce que vous penserez — [voyez donc vous comme] [il se] [met à la torture] *[pour me]* [pour] [faire croire ce qu'il n'est pas] — [quelle] que¹ de¹ maladresse¹, il est humilié du passé — voilà¹ tout¹ — Il mérite bien que je le joue encore — [car] (Il a toute la fatuité de [s] de Satan son maître). N'est¹ ce¹ pas¹ Sans en avoir] [je] [le bien (?)] [je vous jure je vous trouve]

Cependant [je vo] en prenant la plûme je voulois vous demander quelque chose — je ne sais plus quoi — [la] h (?) oui — c'est de l'amitié — [c'est à dire l'intimité] — — [la confian] cette demande est bien [platte] vulgaire bien (?) — c'est comme un mendiant qui demanderoit du pain — le fait est [que j'ai] qu'il me faut votre intimité [c'est la première qu' il me paroit]

et cependant vous êtes [bien] toujours aussi belle que le jour de la traversée, [que] ou bien celui du longtems, lorsque vos goits² humides me toucherent le front — cette impression me

¹ Вставлено позднее.

² Описка, вместо doigts.

reste encore—froide, ¹ humide [et froide] c'est—elle qui m'a rendu Catholique—Mais vous allez *[vous passer]* [passer]; cette beauté va [tomber] [comme une] pencher [et de tout] [tout à l] [tout] à la comme une avalanche—[quand elle ne sera plus le monde aura perdu] Votre âme restera debout quelque tems encore, au milieu [d'une rui] [des ruines] de tant de charmes tombées—et puis elle s'en ira [réjoindre] [seule] [de la terre] et peut être jamais—la mienne, [ne] *[pauvre (?)]*, [pauvre] pauvre timide esclave ne [re] la rencontrera [parmi la foule] [la *нрзбр*] dans l'infini de l'éternité—

[Mais votre ame] et puis qu'est-ce qu'une âme [sans votre regard] qui n'a ni regard, ni mélodie—mélodie peut-être—²

Перевод:

Вас забавляет мое нетерпение, [вы] вам кажется доставляет удовольствие приводить меня в отчаяние [Меня разбудила надежда видеть вас сегодня] Значит, я увижу вас только завтра—пусть будет так. *[Между тем]* [мне необходимо говорить с вами], [я не могу быть] [надо чтобы] [я занят] *[всё мои мысли только о вас]*.

Хотя вас видеть и слышать вас—для меня *[счастье]* [наслаждение], мне легче писать вам, чем говорить. [Вы] [вдали от вас] [ваше присутствие наводит на меня печаль и уныние] [моя речь неловка, чувства угнетены].

Есть в вас какая-то ирония, насмешливость, которые вызывают во мне [печаль] горечь и лишают меня бодрости, чувства [мои] угнетены и слова, идущие из сердца, [в присутствии вашем] [леденеют] обращаются в чистейшие шутки. [Конечно] вы демон, т. е. тот кто сомневается и отрицает, как сказано в Писании.

[Вы] недавно вы с жестокостью говорили мне о прошлом [и о] вы мне сказали [вполне открыто] то, чему я старался не верить в течение целых семи лет [было ли это] Зачем это [Хотели ли вы мстить] [ме <сть> <?>].

[Вы не] Счастье не создано для меня и потому я не узнал его, когда оно было передо мной—Ради Христа не говорите мне более о нем.—[Вы заставляете меня познать бешенство]. Угрызение, если бы я только мог ощутить его, угрызение

¹ Вставлено позднее.

² Выражаю благодарность С. М. Бонди, и Б. В. Томашевскому, принявшим участие в транскрипции первого письма Пушкина, а также Ю. Н. Верховскому, М. Г. Муравьевой и О. М. Новиковой, помогшим мне в переводе писем на русский язык.

имело бы свое сладострастие — подобное же сожаление [оставляет] [рождает] оставляет [одно] [бешенство] [только слезы] в душе лишь мысли бешеные и [кошунство] кошунственные.

Дорогая Элеонора, позвольте мне дать вам это имя, которое мне напоминает [и ваши] [и идеальное очарование] [одну из женщин] и жгучие чтения юных лет моих [и призрак] и нежный призрак тогда меня пленявший и [вашу] [м] вашу собственную жизнь столь исполненную порывов, столь [потрясенную страстями] бурную, [столь удаленную] [от ваш] [от] [столь удаленную] [от того что] [столь далекую] столь [отда] отличную от того, чем она должна была быть —

Дорогая Элеонора, [было время] и вы это знаете [когда голос ваш, взор] [что] [опьяняли меня] когда я испытал всю вашу власть надо мной. Если я познал [опьянение] [всю угнетенность] [все одуряющее опьянение несчастья] [то этим обязан я вам] вам я обязан тем, что познал все [одуряющее опьянение любви] все [что опьянение] [любви] [все что опьянение] содрогания и муки любви. — [Вы] [познал] [все что в ней есть самого] познал [мне были посланы как] [мне не] все что она имеет самого одуряющего От всех этих чувств [столь судорожных,] [столь] [мучительных] от всего этого мне осталось [в утешение] лишь слабость¹ выздоравливающего¹ привязанность [которая] очень нежная, очень искренняя, и немного боязни [которой] [я не могу не испытывать в присутствии существа столь высшего и творящего зло] которую мне невозможно преодолеть.

[Я зна] если когда-нибудь вы это прочтете, я хорошо знаю, что вы подумаете [Посмотрите как он мучается] *[чтобы мне]* [казаться не тем, что он есть] [какая] как он неловок — он оскорблен прошлым — вот и все. Он заслуживает того, чтобы я и дальше его дурачила [так как] (У него все самомнение его учителя сатаны) Не так ли? [Не имея] [я] [очень] [клянусь вам я нахожу вас]

Между тем [я хо] берясь за перо, я хотел просить вас о чем то — я уже не знаю о чем [Ах] да — о дружбе — [то есть о близости] — [довер] Эта просьба очень [плоска] пошлая очень, как нищий который просил бы хлеба

Все дело в том, что мне необходима ваша близость [это первая которая мне кажется]

А между тем, вы [очень] все так же прекрасны как в день поездки морем или в тот давнишний день, когда ваши [влажные]

¹ Вписано позднее над строкой.

пальцы коснулись моего лба — это впечатление еще сохранилось во мне — холодное влажное [и холодное] оно обратило меня в католичество. — Но вы *увянете*^{*}; эта красота [спадет как] и [ото всего] сойдет как лавина — [когда ее не будет, мир потеряет]

Ваша душа еще будет пребывать некоторое время среди [облом] [обломков] стольких разрушенных очарований — а потом она отойдет [соединиться] [одна] [с земли] и может быть никогда моя душа бедная <?> [бедная] бедная робкая рабыня не встретит ее в [толпе] [нрзбр] в беспредельной вечности —

[Но ваша душа] да и что такое душа [без вашего взгляда] не имеющая ни взора, ни мелодии — разве что мелодию —

2

[C'est aujourd'hui] [9 ans qu] [Il y a] [jour] [aujourd'hui]
C'est aujourd'hui [le] c'est le 9¹ anniversaire du jour ou je vous ai vu pour la première fois. Ce jour [de] a décidé ma vie — [plus] c'est

plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inséparable de la votre; [tout ce] je suis né pour vous aimer et vous suivre — [tout] tout autre soin de ma part est erreur¹ ou¹ folie. [erreur ou нрзбр] [votre présence] [seule] [me ranime] [peut me ranimer] loin de vous je n'ai que [les rem] [des remords] [des] [morn] [regrets] les remords d'un bonheur dont je [n'aurais pu assez jouir] n'ai pas su m'assouvir.

tôt ou tard il faut bien que j'abandonne tout, et que je vienne [errer autour de vous] tomber à vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en [Crimée] M...y² et la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrerts. [de]¹ Là je pourrai venir en pelerinage errer autour de votre maison [vous rencontrer] [m'enivr <?>] vous rencontrer vous entrevoir —³

¹ Вписано позднее.

² Не разобрано.

³ Французский текст писем дается в орфографии автографа с соблюдением всех ошибок и опусок, объясняемых, вероятно, в большинстве случаев взволнованным состоянием поэта. В самых необходимых случаях я позволила себе поставить запятые, не имеющиеся в подлиннике. Круглые скобки — скобки автографа. В прямых скобках стоят зачеркнутые в рукописи места. Слова, заключенные в скобки со звездочкой, были Пушкиным зачеркнуты и затем восстановлены. Если ряд слов вычеркнут одной чертой, то они заключаются в одну пару скобок. В ломаных скобках заключены мои дополнения недописанных Пушкиным слов и знаки вопроса после слов, чтение которых не безусловно ясно.

Перевод:

[Сегодня] [прошло девять лет как] [прошло] [сегодня]

Сегодня 9¹ годовщина того дня, когда я вас видел в первый раз. Этот день решил мою судьбу—[более] это

Чем больше я об этом думаю, тем более вижу, что мое существование неотделимо от вашего; [все что] я рожден чтобы вас любить и следовать за вами—[все] всякая иная забота с моей стороны ошибка ¹ или безумие ¹ [ошибка] или [нрзбр] [одно лишь] [ваше присутствие] [меня воодушевляет] [может меня воодушевить]. Вдали от вас я испытываю лишь [угрыз] [угрызения] [мрач] [сожаления] угрызения по поводу счастья коим я [бы никогда не мог вволю насладиться] не умел насытиться.

Рано или поздно, неминуемо, чтобы я всё оставил и пришел [бродить вокруг вас] пасть к вашим ногам. Одна лишь мысль о том что я смогу когда-нибудь иметь клочек земли в [Крыму] м..... только и манит меня и воодушевляет меня среди мрачных сожалений. Туда смогу я совершать паломничества чтобы бродить вокруг вашего дома [вас встречать] [упиваться] вас встречать вас мельком увидеть — —

Эти два письма — не новость. Они были опубликованы еще Якушкиным в „Описании рукописей Пушкина, хранящихся в Румянцевском музее“. ² Письма эти написаны далеко не всегда разборчиво, и очень многое не было прочитано Якушкиным, и как раз те слова, которые мне кажутся ключом к разгадке этих писем („7 ans entiers“—7 лет; „le 9 anniversaire“—9 годовщина; „la traversée“—путешествие морем). По поводу обоих он высказывал сомнение, что это действительно письма Пушкина, а не наброски для повести. Письма эти перепечатывались в некоторых ³ собраниях писем Пушкина.

В 1887 году, когда по поводу пятидесятилетия со смерти Пушкина было разрешено всем пользоваться его рукописями, Морозов, редактор издания Литературного фонда, видел автограф этих писем. Но он изменил текст второго, данный Якушкиным, лишь одним неудачно прочитанным словом ⁴. Морозов

¹ Вписано позднее.

² «Русская старина» 1884 г., № 8, стр. 327, и № 11, стр. 369.

³ Издание Литературного фонда под ред. Морозова; издание 1903 г. под ред. Ефремова; изд. Просвещения под ред. Морозова. В Академическое издание «Переписки Пушкина» и в изд под ред. С. А. Венгерова эти письма не были включены.

⁴ Изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. 423.

отнес это письмо к Гончаровой и датировал его мартом 1830 года. Первое же он отнес „к неизвестной даме“ и датировал 1830 годом.¹ В 1903 году Ефремов выпустил книжку „Мнимый Пушкин“, где в чрезвычайно грубой форме обвинял Морозова в умышленном ненапечатании слов „девятая годовщина“, для того чтобы отнести письмо к Гончаровой. Дело в том, что у Ефремова в руках были тетради Анненкова, до сих пор очень частично опубликованные и в некоторой своей части утраченные. Анненков, который прекрасно читал почерк Пушкина, эту „девятую годовщину“ прочел и в своем рукописном описании тетрадей Пушкина списал это письмо с таким толкованием: „Есть трагическое письмо, вероятно к Воронцовой, едва-едва набросанное“. В Суворинском издании в собрании сочинений Пушкина 1903 г. Ефремов, владея транскрипцией Анненкова, напечатал это письмо, очевидно, в его чтении, считая, что это—письмо к неизвестной, но „вернее полагают, что это—набросок для романа“. Он и тут полемизирует с Морозовым, который в следующем своем издании все же умурился повторить свое непочтение „девятой годовщины“.

Первый вопрос, который надо разрешить — что это такое: личные ли письма Пушкина или фрагменты художественной прозы.

Невозможно допустить, чтобы Пушкин писал литературное произведение на французском языке.² По крайней мере такого случая до сих пор не было известно.³ Совсем иную картину мы видим в эпистолярном наследии Пушкина. Большинство его писем, обращенных к женщинам, во всяком случае все дошедшие до нас любовные письма его написаны на французском языке. Тринадцать писем поэта к невесте написаны на французском языке (кроме одного, объясняемого словами: „Я по-французски браниться не умею, так позвольте мне вам говорить по-русски“). Когда же Н. Н. Гончарова стала женой Пушкина и любовный пафос сменился успокоенным домашним тоном, французский язык сменился русским.

Еще аргумент за то, что публикуемые письма — личные письма Пушкина: поправки его в тексте все как будто пре-

¹ Изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. 423.

² Случаи сочинения стихотворений на французском языке, как известно, у Пушкина бывали, главным образом в юности.

³ Сохранилось несколько записей Пушкиным мыслей на французском языке; так, в 1829 г., перед изданием «Бориса Годунова», Пушкин набросал несколько вариантов для предисловия по-французски; черновые тексты критических заметок о Полевом и Шевыреве также написаны по-французски, не говоря уже о ряде «планов» повестей.

следуют одну цель — сдерживать страсть и возможную резкость, все, что может обидеть неизвестную нам женщину, и освещать все робким умилением с оттенком молитвенности. В эту роль (отвечающую душевному состоянию, столь порой знакомому Пушкину) он так входит, что уже отдается воодушевлению творческой мысли, и отсюда то прихотливое смещение огромного искреннего чувства с какой-то искусственностью и литературностью. Неизвестно, были ли когда-нибудь отосланы эти письма, так как они сохранились лишь в черновых текстах. Процесс переписывания Пушкиным с черновых текстов никогда не делался механически. Пушкин переписывал творчески, зачастую многое изменяя, иногда возвращаясь к зачеркнутому в черновике и отменяя незачеркнутое. Так что если беловые тексты с этих черновики были отосланы, то они могли иметь несколько иной вид, чем если читать письма по приведенному тексту, опуская зачеркнутое.

Как датировать эти письма? Они написаны в двух тетрадах, хранящихся в рукописном отделении Ленинской библиотеки в Москве: первое в тетради № 2382 (лл., 69₂ г.—68₁), второе в тетради № 2373 (л. 24₁). Обе эти тетради внешне совершенно схожи — тот же размер, та же толстая синяя бумага верже с водяным знаком 1828 г., даже такой же переплет. Повидимому, они приобретены одновременно и заполнялись параллельно. К заключению о такой манере Пушкина одновременно работать в двух тетрадах приводит нас изучение его рукописей.¹

Заведя тетрадь № 2382 перед поездкой на Кавказ в 1829 г., Пушкин пользовался ею в 1829, 1830 и 1831 гг., заполняя ее с двух концов и переворачивая верхом вниз.² В тетради мы имеем ряд групп текстов, писавшихся бесперебойно в хронологической последовательности. Ту группу текстов, в которую

¹ Одинакового вида тетради, служившие Пушкину одновременно: № 2365 и № 2367 (для переписки беловых текстов) в Кишиневе и Одессе; тетрадь № 2366 одного вида с ними, но она стала заполняться непосредственно после № 2365; №№ 2368, 2369 и 2370 служили поэту в Михайловском в 1824—1825 гг. Это — те самые большие черные сафьяновые тетради с тиснением масонского треугольника на переплете, о которых говорит А. Н. Вульф в своем дневнике (Майков, «Пушкин», СПб. 1899, стр. 177).

² Обратился к ней Пушкин еще в конце февраля 1834 г., написав в ней черновое письмо к Бенкендорфу, и, наконец, в 1836 г., когда ему понадобился имевшийся в этой тетради текст «Путешествия в Арзрум» для публикации его в «Современнике». Тогда же в этой тетради написал он статью об истории поэзии Шевырева, предназначавшуюся для того же «Современника».

входит письмо к неизвестной, составляют черновые тексты статей и заметок, напечатанных Пушкиным в №№ 5, 7, 8, 10 и 12 „Литературной газеты“ за 1830 г. Время написания этих текстов — январь и февраль 1830 г. Непосредственно перед письмом находится (лл. 70₂—70₁) окончание „Объяснения к заметке об Илиаде“, напечатанного в № 12 „Литературной газеты“. Заметка эта (являющаяся ответом на выпад Раича, напечатанный в № 4 его московского журнала „Галатея“, цензурная помета которого 23 января) написана Пушкиным в последних числах января или первых числах февраля, потому что 4 февраля она уже рассматривалась в Петербургском цензурном комитете. Следующий лист вырван. На листах 69₂ до 68 находится ¹ интересующее нас письмо. На листе 67₂ — черновик письма к К. Н. Бороздину, который был набросан тоже до 4 февраля, так как в связи с этим письмом Пушкина в этот день цензурный комитет рассматривал донесение Щеглова о стихах Дениса Давыдова. ² 67 лист — чистый. На этой странице и нужно считать окончание группы интересующих нас текстов. Таким образом письмо к неизвестной в этой тетради можно датировать достаточно узко — последние числа января до 3 февраля 1830 г.

Перейдем к рассмотрению датировки второго письма. Н. В. Измайлов в своей работе о „Медном всаднике“ (читанной в виде доклада в Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности в 1928—1929 г.) пришел к заключению, что тетрадь № 2373, служившая неоднократно Пушкину в 1832—1833 гг. и бывшая с ним в его путешествии в Оренбург и в Болдино осенью 1833 г., начала заполняться с 1829—1830 гг. Поэтому внешне ничто не противоречит тому, чтобы письмо в тетради № 2373 датировать тоже 1830 г. (Так как оно находится отдельно от других текстов в тетради, то датировать его более точно затруднительно). Внутренне же тон и настроение, вплоть до некоторых выражений в обоих письмах, так близки, что я считаю несомненным, что письма написаны к одному лицу, и более чем вероятным, что второе написано не позднее 5—10 дней после первого письма. К тому же те же чернила и тот же почерк, что в первом письме, подтверждают мое положение.

¹ Так как тетрадь тут заполнялась верхом вниз, то большие номера страниц заполнялись раньше, чем меньшие.

² См. статьи Н. К. Замкова: «К цензурной истории произведений Пушкина» и «Архивные мелочи о Пушкине» в выпусках XXIX—XXX «Пушкин и его современники», стр. 50—52, 63—64.

В одной из южных тетрадей Пушкина сохранилось французское черновое письмо ¹ к неизвестной женщине:

[Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris mais [puisque] j'ai eu [la bêtise] et la faiblesse [et le ridicule] de vous avouer [ma] une passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement—] ²

Ne feignez rien [c'est] ce seroit indigne de vous [et de plus] * [c'est parfaitement inutile]* — la coquetterie [qui vous sied tant] seroit une [cruelle bien] cruauté [très] [froidement] frivole et surtout bien inutile. — Votre colère, je n'y croiroi pas plus — en quoi puis je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse, si peu de prétention — [si votre orgueil est blessé] votre orgueil même ne peut en être blessé [vous avez su que] [m'aviez deviné] [saviez ma haute] [нрзбр content <?>] [vous]

Si j'avois des espérances celà ne seroit pas la veille de votre départ нрзбр que j'auroi attendu pour [vous f] me déclarer. Attribuez mon aveu [à mon émotion qu'] qu'à une exhaltation [à un trouble] [qui] dont je n'étois plus le maître qui alloit jusqu'à la défaillance [et l'imbécilité] [je ne veux rien] je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux — cependant je vous

Перевод:

[Я не хочу оскорблять вас своим письмом, а пишу вам [так как] я имел [глупость] и слабость [и неловкость] признаться вам [в моей] в смешной страсти и хочу откровенно объяснить. ² Не притворяйтесь [это] это было бы недостойно вас [и более того — это совершенно бесполезно], кокетство [которое вам так к лицу] было бы [жестокою] жестокостью [весьма] [холодно] легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной, — ваш гнев, к ему поверил бы не более — чем мог бы я вас оскорбить; я люблю вас с таким порывом нежности, без всяких притязаний — [Если ваша гордость задета] Даже ваша гордость не может быть задета [Вы узнали, что] [поняли меня] [знаете мою высокую] [доволен <?> нрзбр] [вы]

¹ Тетрадь № 2366, лист 30; № 47 в 1 томе «Писем Пушкина» под ред. Б. Л. Модзалевского. Текст выверен мною по автографу. В примечании редактор говорит: «Письмо обращено к неизвестной даме — вероятно, из кишиневского общества. Приурочение письма к М. Н. Раевской-Волконской, делаемое Н. Кузьминым в его «Поэтической монографии из жизни Пушкина»: «Первая любовь Пушкина» («Заря» 1905 г., № 250), ни на чем не основано (ср. «Пушкин и его современники», вып. XIV, стр. 157, 181—182).

² С начала письма до этого слова включительно строки перечеркнуты.

Если бы у меня были надежды, не стал бы я ждать кануна вашего отъезда, чтобы [вам с] объясниться. Припишите мое признание [моему волнению которое —] возбуждению [смущению], с коим не мог я более совладать, которое дошло до слабости [и глупости] [я не хочу ничего], я не прошу ничего, я сам не знаю, чего я хочу, — тем не менее я вас

Письмо это пронизано тем же серьезным, благоговейным чувством и растерянностью, как и вышеприведенные два письма. Пушкин изливает свои чувства без всяких практических планов, впервые накануне отъезда той, которой написано письмо: Глубина и безнадёжность его любви ощущаются в каждом слове.

Письма эти, разделенные семилетним перерывом,¹ настолько похожи тоном, что напрашивается вывод, что они написаны к той же, кому написаны и первые два письма. В упомянутой южной тетради, за три листа до только что приведенного письма, вырвано 18 листов.² 10 из них вырваны одним движением сразу. На оставшихся обрывках имеются либо начала, либо концы строк французского текста. Исписанных было 12 и через некоторый промежуток — 5 страниц. По оставшимся кусочкам текста можно с уверенностью сказать, что здесь были любовные письма. Наводят на это слова „*charme*“ (очарование), „*bête*“ (глупо) — слово, не раз встречающееся в только что приведенном письме, постоянные личные местоимения (*je*) и восклицательные знаки. Что и эти письма надо отнести все к той же женщине, ясно из того, что они отделены от предыдущего лишь тремя страницами. Конечно, эти два уничтоженных письма не были отосланы, так как по сохранившемуся черновику письма ясно, что оно — первое письмо с объяснением.

¹ Это письмо считается кишиневским и датируется 1822 г. Вероятнее, писал его Пушкин в Одессе в 1823 г., о чем речь дальше. Тетрадь № 2366 служила ему и там. (Там записана эпиграмма 1824 г. на Воронцова «Певец Давид...»). Тетрадь эту под конец пользовался Пушкин, перевернув ее верхом вниз и начав с последнего листа как бы с первого. Тут написаны в такой последовательности: 1) черновое письмо к Плетневу от октября — ноября 1822 г., 2) первые черновики «Свободы сеятеля» и «Демона», датирующиеся 1823 г., 3) черновое письмо к Бестужеву от 13 июня 1823 г., 4) вырванные французские письма и 5) письмо «*Ce n'est pas pour vous braver...*»

² Тетрадь № 2366, между лл. 33 и 34. Так как и эти письма и письмо на л. 30 писаны верхом вниз, то вырванные были, очевидно, написаны раньше сохранившегося.

О том, что чувства, высказанные во всех этих письмах, чувства самого Пушкина, а не какого-нибудь героя его произведения, а во-вторых, глубоко искренни, заключаю я из того, что характер их — тот же на расстоянии семи лет. Попасть в тон переживания, „выдуманного“ за семь лет, было бы маловероятно.

Все эти три письма Пушкина так значительны, что представляется интересным сопоставить их с другими письмами Пушкина к женщинам. Заведомо можно сказать, что Пушкин писал очень много писем к женщинам. Между тем их сохранилась не очень большая пачка — всего 166 писем к 16 женщинам. 77 из них обращены к жене. К Анне Николаевне Вульф сохранилось всего одно письмо, но чрезвычайно характерное для отношения Пушкина к этой обожавшей его и совершенно неинтересной для него девушке. В письмах А. Н. Вульф к Пушкину она часто обиженно приводит его слова, особенно оскорбившие ее чувство. (Кстати сказать, эти цитаты следовало бы вводить в собрания писем Пушкина). Пушкин чувствует себя в праве говорить с ней свысока; заметна какая-то пресыщенность в этих наставлениях, как вести себя с мужчинами девушке, с которой у него еще недавно был роман.

К двоюродной сестре А. Н. Вульф — А. П. Керн, до близости с ней — письма страстные, влюбленные, вожделеющие.

В письмах к матери А. Н. Вульф — П. А. Осиповой — видна большая привязанность, уважение и чувство необходимости, обязательности, точно выплата какого-то долга.

К Е. М. Хитрово — скучающие, принужденные письма, а в одном из них появляется бесцеремонная откровенность, доходящая до дерзости. Впечатление, что Пушкин, устав от ига напряженной любви этой стареющей женщины, делает отчаянную попытку оборвать отношения грубостью. Конечно, это ни к чему не привело.

К В. Ф. Вяземской письма — дружеские, преданные, почти братские, в которых доверчивая откровенность относительно своих семейных неприятностей и простота отношения перевешивают над непринужденной кокетливостью, являющейся отголоском короткого увлечения, пережитого В. Ф. по отношению к Пушкину.

Мы имеем еще ряд отдельных писем Пушкина к разным женщинам. Каждое носит свою особую печать. Я разумею легкое, непристойное письмо к двум неизвестным дамам, из Одессы в Кишинев, „дружескую болтовню“, как называет Пушкин игривое письмо к А. И. Беклешовой, и незначитель-

ные светские письма к А. О. Смирновой, Фукс, Дуровой, Ишимовой.

Не уцелели, может быть, самые значительные из любовных писем Пушкина — к гр. Е. К. Воронцовой и к Ек. Н. Ушаковой,¹ но все вышеперечисленное меркнет перед новыми письмами к неизвестной.

Письма Пушкина к жене, может быть, по самой природе своей (вспомним слова Пушкина: „Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат“) по-домашнему просты, разговорны. Они пишутся обычно в каждую разлуку через день, и ненаписание их было бы событием, тогда как написание любовного письма к другой женщине является событием, которое само по себе уже должно быть чем-то выдающимся. Поэтому ставить их в один ряд трудно, и по первому впечатлению письма Пушкина к жене уступают по блеску, яркости и силе чувства некоторым другим письмам Пушкина к женщинам. Но в чрезвычайно простых и скупых словах писем к жене, близких по словесной сдержанности к прозе Пушкина, видны зачастую большая любовь, привязанность, тоска без нее и ревность, постоянная тема его писем. Не многим отличаются от этих писем письма Пушкина к Наталье Николаевне до брака. Одно лишь письмо Пушкина к матери Н. Н. Гончаровой, преисполненное коленопреклоненной любви к недостигаемой невесте, может по своим предельным чувствам выдержать сравнение с вводимыми мною в биографию Пушкина письмами.

Три приведенные письма позволяют нам построить биографическую схему взаимоотношений Пушкина и неизвестной женщины.

Два письма 1830 г. раскрывают образ женщины, так взволновавшей Пушкина. Пламенная, отдающаяся страстям, поражающая своим бурным темпераментом в чопорной среде, в которой она живет, властная, ироническая, насмешкой пресекающая признание в любви, она мстит Пушкину за то, что он на юге слишком поздно (накануне ее отъезда) открыл ей свое чувство. „Вы мне сказали то, чему я старался не верить в течение целых семи лет. Счастье не создано для меня (постоян-

¹ И Воронцова и Ушакова сожгли письма Пушкина в старости. Ушакова сделала это перед смертью. «Несмотря на просьбы дочери, она никак не желала оставить их, говоря: «Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна; пусть она и умрет с нами». (Записи П. И. Бартенева в «Русском архиве» 1912, № 10, стр. 301, и № 5, стр. 159).

ное признание Пушкина), и потому я не узнал его, когда оно было передо мной. Ради Христа не говорите мне более о нем“. Эти слова я понимаю в том смысле, что Пушкин в течение семи лет не смел думать, что он любим. „9 годовщина“ говорит о дне знакомства в начале февраля 1821 г.

С ноября 1820 г. Пушкин гостил у своих знакомых Давыдовых в имении „Каменка“, Чигиринского уезда, Киевской губ. В феврале 1821 г. он ездил из Каменки к своим друзьям Раевским в Киев. Сколько времени он там провёл — неизвестно. По пометам в рукописях поэта мы знаем, что 9 февраля он был в Киеве, а 22 февраля уже опять в Каменке. В конце этого месяца или в начале марта он уехал обратно в Кишинев. Вероятно, в это время Пушкин заезжал несколько кружно в Тульчин, где был расположен штаб 2-й армии и где у него были знакомые.

Первая встреча Пушкина с женщиной, которой написаны публикуемые мною письма, произошла, таким образом, либо в Каменке, либо в Киеве, в „светском“ обществе которого, состоявшем из украинских и польских помещиков, проводил время Пушкин.

В „satan son maître“, может быть, можно видеть пушкинского „Демона“ — А. Н. Раевского. „Семь лет он не хотел верить...“, т. е., вероятно, не было новой пищи для мыслей и чувств — надо думать, он не видел той, кому написаны письма, с 1823 г.

После возвращения из Каменки в Кишинев (в марте 1822 г.) с заездом, вероятно, в Тульчин Пушкин месяца через полтора поехал в Одессу, где провёл весь май. В декабре две недели Пушкин находился в служебной поездке по Бессарабии. В начале июля 1823 г. Пушкин вновь поехал в Одессу под предлогом „лечения морскими ваннами“. Анненков знал очень многое из жизни Пушкина от его современников и разбросал по „Материалам к биографии Пушкина“ целый ряд глухих указаний на то, чему мы просто принуждены верить. Он говорит по поводу кишиневских романов Пушкина: „Недаром отпрашивался Пушкин у добродушного Инзова и в Одессу так часто. Там у него были новые любовные связи, не уступавшие кишиневским, но никогда не заслонявшие их“. ¹ В другом месте ² Анненков говорит: „Пушкин с позволения Инзова находился опять в Одессе (май 1823 г.) и, вероятно, так же, как и в первые разы, по любовным своим делам“.

¹ «Пушкин в Александровскую эпоху», СПб. 1874, стр. 191.

² Там же, стр. 213.

Приехавший в Одессу 21 июля новый Новороссийский генерал губернатор гр. М. С. Воронцов объявил Пушкину, что тот переводится из Кишинева в Одессу. В конце июля Пушкин поехал на несколько дней в Кишинев и окончательно водворился в Одессе. Выходит, что знакомство с неизвестной нам женщиной продолжалось, может быть, в Кишиневе и в Одессе. Конечно, в Одессе они виделись, потому что не в Кишиневе же они совершали поездку морем. Из Одессы она уезжает, и накануне ее отъезда Пушкин объясняется с нею и пишет ей первое (хронологически, а третье в моей работе) письмо. Поручиться, что это было в 1823, а не во время короткого пребывания Пушкина в Одессе в 1821 г. — трудно, но слова о „семи годах“ в 1830 г. заставляют полагать, что это южное обращение и прощальное письмо написаны в 1823 г.

Теперь, в Петербурге (Пушкин приехал в Петербург после путешествия в Арзрум 2 ноября 1829 г. и пробыл там до 4 марта 1830 г., когда он выехал в Москву), новая встреча так захватила его, что он просит у любимой женщины лишь дружбы, близости, доверия; он готов повторить унижительную и мучительную роль наперсника (пережитую им незадолго по отношению к гр. А. Ф. Закревской). Он говорит о „неминуемой“ судьбе своей — все бросить, чтобы совершать паломничество к ее дому в Крыму.¹

Сочетание этого огромного размаха жертвенности с кротостью, робостью и бескорыстием в кульминационные моменты любви очень значительно в образе Пушкина. Вспомним о письме к Н. Н. Гончаровой в конце августа 1830 г.: „Во всяком случае вы совершенно свободны. Что же до меня, то я даю вам честное слово принадлежать только вам или никогда не жениться“. Многократное подчеркивание чувства необыкновенной скромности и робости очень ясно встает в черновых строках начала одного письма к невесте:² „Надеюсь, что это письмо не найдет вас более в Заводе“, пишет Пушкин и сейчас же одергивает себя и поправляется: „Я хотел бы надеяться“, но и это кажется ему слишком развязным, и он

¹ По слову Crimée (Крым) Пушкиным написано другое слово, до сих пор никем не прочитанное. Ясно лишь знающим руку Пушкина, что первая буква — большое М. Повидимому, здесь стоит название какого-нибудь крымского поселка или имения. Если удастся прочесть это название имения, то может подвинуться и вопрос о том, кто была его обительница.

² «Письма Пушкина» под ред. Модзалевского, № 348. Цитирую по автору в тетради № 2372, л. 60₂.

вставляет еще одно слово: „Я хотел бы осмелиться надеяться...“¹

Тон Пушкина, рабски-униженный в комментируемых мною письмах, должен ошеломить, если его воспринимать безоговорочно. Но мы знаем, что редко кто бывал так гибок и перемчив в тоне писем, как Пушкин. Стоит вспомнить его философские письма к Чаадаеву, несколько архаичное письмо к И. И. Дмитриеву, уснащенные непристойностями письма к Соболевскому и Вяземскому и т. д. Этой стилизацией, может быть, объясняется и непомерное самоунижение и весь абзац, посвященный душе в конце первого письма. Из этого письма мы узнали, что женщина, к которой обращены эти письма — католичка и равнодушная к религии. Пушкин своеобразно и умиленно вспоминает сцену, когда она якобы обращала его в католичество. И вот, желая растрогать ее, Пушкин говорит ее языком — следует тирада о душе. Но, глубокий реалист, он не выдерживает этого ложного тона и перебивает себя словами: „[Но ваша душа] да и что такое душа [без вашего взгляда], не имеющая ни взора, ни мелодии — разве что мелодию...“

Пушкин называет неизвестную женщину Элеонорой, именем героини романа Бенжамена Констана „Адольф“. Называть женщину литературным именем — уже очень от нас далекая условность отошедшей поры. В то время все были проникнуты литературой. Кажущаяся нам искусственность была широко распространена. Так, например, прозвание „Эрмини“ за Е. М. Хитрово прочно укоренилось в кругу ее друзей. „Адольф“ Бенжамена Констана глубоко захватил французское и русское общество. Пушкин читал его на французском языке (роман вышел в 1816 г.) и любил его, по свидетельству Вяземского. Вяземский перевел его в 1829 г. и посвятил этот перевод Пушкину. Пушкин писал рецензию на персвод Вяземского в декабре 1829 г.² Таким образом, в январе — феврале 1830 г., когда писались письма к неизвестной, он находился еще под свежим впечатлением этого романа и, естественно, назвал ее именем героини „Адольфа“, страстный характер которой, беззаветно отдающейся чувству наперекор всем условиям „света“, дает нам новые пути к пониманию личности неизвестной женщины, любимой Пушкиным.

Постараемся разобраться в душевном состоянии Пушкина в эти петербургские месяцы его жизни. 2 ноября 1829 г. он

¹ Отчасти это объясняется, может быть, и стилем французских писем.

² Напечатана в № 1 «Литературной газеты» за 1830 г. (стр. 8).

приезжает в Петербург с образом холодно встретившей его возвращение с Кавказа Натальи Николаевны в душе. 15 ноября, еще не успокоившийся от взволновавшей его встречи, Пушкин пишет С. Д. Киселеву в Москву: „...Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым. Скоро ли, боже мой, приеду из Петербурга в Hôtel d'Angleterre мимо Карса,¹ по крайней мере мочи нет хочется“.

7 января Пушкин пишет Бенкендорфу² письмо, в котором просит разрешить ему выехать за границу или в Китай с русской миссией. Чем было вызвано это намерение? Надо думать, что это было удовлетворение потребности уехать подальше и неизведанными внешними впечатлениями вытеснить образ „гордой и мучительной девы“. Путешествие в Китай — это то же, чем была прошлогодняя поездка в Арзрум, не давшая, впрочем, душевного спокойствия. Поэтому и в стихах от 23 декабря 1829 г. „Поедем, я готов“ можно видеть как бы попытку прощания с Н. Н. Гончаровой. Поэт спрашивает:

Скажите: в странствиях умрет ли страсть, моя?
 Забуду ль гордую, мучительную деву
 Или к ее ногам, ее младому гневу,
 Как дань привычную любовь я принесу?³

Через месяц после написания этих стихов поэт с странным, казалось, напускным равнодушием спрашивает в письме Вяземского, бывшего в это время в Москве: „Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву — как бы не разъехаться <с Вяземским>“. (Письмо датируется концом января — началом февраля 1830 г.). Теперь это равнодушие, может быть, объясняется. В эти самые дни написаны горячие любовные письма к неизвестной женщине. Таким образом, если взрыв чувства к ней последовал после стихов „Поедем, я готов“ и после письма к Бенкендорфу, то, повидимому, роман в Петербурге с нею был ограничен двумя месяцами. 4 марта Пушкин уже уехал в Москву. Я даже допускаю такую возможность, что Пушкин, отвергнутый неизвестной женщиной, кинулся в Москву, чтобы ее больше не видеть. Интересно, насколько

¹ Так называл Пушкин неприступную Н. Н. Гончарову

² Черновой текст находится также в тетради № 2382.

³ В неопубликованном автографе имеются еще более выразительные варианты: «Иль возвратясь, беглец, повергну», «И вновь к ее глазам», «Я робко принесу повинную (покорную) главу», «Моленья», «Неизменную безумную любовь».

мало стремился тогда Пушкин в Москву. Выехав 4 марта из Петербурга, он приехал в Москву лишь 12 числа (вместо 7-го). Как выясняется, он заезжал в Малинники на три дня.¹ Как бы подтверждая свои слова в письме к Вяземскому — „моя Гончарова“ и „Ушакова, моя же“, — Пушкин в Москве делит свое внимание между этими двумя девушками. Даже судьба младшей Ушаковой (Елизаветы Николаевны) его близко задевает. В письме к Вяземскому (который к этому времени уже был в Петербурге), написанном 14 марта, через два дня по приезде в Москву, Пушкин и пишет: „...Но все это безделица, а вот что важно: Киселев женится на Л. Ушаковой и Катерина говорит, что они счастливы до гадости“. По Москве ходят слухи о частых посещениях и о предстоящей женитьбе Пушкина на Ушаковой. Об этом пишут Погодин (23 марта), В. А. Муханов (27 марта), об этом же вспоминает позднее Н. М. Смирнов. Но во второй половине марта Пушкин уже сделал свой выбор. Он довольно прозрачно пишет Вяземскому: „Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве“; но 24 марта опять новые планы в письме к Бенкендорфу: „Я предполагал из Москвы проехать в Псковскую деревню, но, если Николай Раевский приедет в Полтаву, убедительно прошу ваше превосходительство разрешить отправить мне к нему туда“. Наконец, 6 апреля он сватается вторично к Н. Н. Гончаровой, она дает согласие, и он — жених.

В середине июля Пушкин едет в Петербург „печатать Годунова“, как объясняет Языков в письме к брату. Сам же Пушкин еще 7 июня писал дедушке невесты А. Н. Гончарову: „Каждый день ожидал я обещанных денег и нужных бумаг из Петербурга — до сих пор не получил... „Думаю, что буду принужден в конце сего месяца на несколько дней отправиться в П. Б., чтоб привести дела свои в порядок“. Может быть, была и другая причина — возникла новая потребность опять видеть оставшуюся там женщину. О том, как он себя чувствует в Петербурге, Пушкин писал В. Ф. Вяземской: „Признаюсь, к стыду моему, что я веселюсь в Петербурге и не знаю, как и когда я вернусь“. Уехав из Москвы на несколько дней, Пушкин отсутствовал целый месяц.

¹ См. публикацию Л. Б. Модзалевского в «Звеньях», кн. I, стр. 51, где он дает неизвестную запись в дневнике Прасковьи Александровны Осиповой между 7 и 10 марта: «1830 г. марта, в ту минуту, когда мы собирались выехать из Малинников, приехал Пушкин из Москвы и пробыл у нас 3 дни». Осипова описалась: он ехал в Москву, а не из Москвы.

Очень вскоре после своего приезда в Петербург после возвращения из Арзрума, а именно 24 декабря 1829 г., Пушкин начал писать 8-ю главу „Евгения Онегина“ (в той же тетради № 2382). Закончил он ее 25 сентября 1830 г. в Болдине, в те дни, когда он как бы завершал круг чувств, связанных с уходящей жизнью одинокого свободного человека.

Мы не знаем ни одного плана „Евгения Онегина“ и, напротив, знаем признание Пушкина:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал.

Мне кажется, что психологическое состояние Онегина в 8-й главе очень близко к состоянию Пушкина в феврале 1830 г. Можно даже проследить параллельные места в письмах Пушкина и Онегина. Письмо Онегина написано 5 октября 1831 г. в Царском Селе. Осенью же 1830 г. воспоминание о своем чувстве к неизвестной нам женщине было еще настолько свежо, что воспользоваться своими письмами как материалом для художественного произведения Пушкин еще не мог. Этим, надо думать, следует объяснить написание письма Онегина через год после окончания 8-й главы. Стихи „Какому злобному веселью быть может повод подаю“ являются воспоминанием характеристики ее отношения к нему, выраженным в письме так: „Посмотрите, как он мучается, чтобы мне казаться не тем, что он есть“ и т. д. Слова „понимать душой все ваше совершенство“ повторяют слова „в присутствии существа высшего“. „Я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я“ тоже повторяют слова Пушкина в начале письма: „Меня разбудила надежда видеть вас сегодня“. Стихи „Боюсь, в мольбе моей смиренной Увидит ваш суровый взор Затеи хитрости презренной И слышу гневный ваш укор“ как бы пересказывают те слова, которые Пушкин влагает в ее уста в своем письме.

Все это, а главное—душевное состояние человека, признающего себя в лави, которую не разделяют, но которая могла быть разделена прежде, дает мне основание взять на себя смелость утверждать, что 8-я глава „Евгения Онегина“ и в особенности письмо Онегина возникли на основе личного переживания, раскрывшегося для нас в этих трех письмах.

Очень любопытным, неожиданным и, мне кажется, убедительным подтверждением моей мысли об автобиографичности 8-й главы „Евгения Онегина“ является мнение Кюхельбекера,

сильное своей чистой интуицией: „Поэт в своей 8-й главе похож сам на Татьяну. Для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин преисполнен, и не хочет, чтобы об этом чувстве знал свет“. ¹ И еще: „Читал я после обеда последнюю главу „Онегина“: в ней много чувства; несколько раз слезы навертывались у меня на глазах,—нет, тут не одно искусство, тут сердце, тут душа!“ ²

Кроме „Евгения Онегина“, и не в такой мере, как он, с первым из публикуемых мною писем связан „Каменный гость“: вот жестокие и страшные по своему реализму слова Дон Карлоса, обращенные к Лауре:

Ты молода... и будешь молода
 Еще лет пять иль шесть. Вокруг тебя
 Еще лет шесть они толпиться будут,
 Тебя ласкать, лелеять и дарить
 И серенадами ночными тешить,
 И за тебя друг друга убивать
 На перекрестках ночью. Но когда
 Пора пройдет: когда твои глаза
 Впадут и веки сморщась почернеют
 И седина в косе твоей мелькнет,
 И будут называть тебя старухой,
 Тогда — что скажешь ты?

За полгода до этих стихов Пушкин гораздо мягче, но по существу о том же писал в письме к неизвестной: „Но вы увянете; эта красота [спадет как] и [ото всего] сойдет как лавина — [когда ее не будет, мир потеряет]. Ваша душа еще будет пребывать некоторое время среди [обломков] стольких разрушенных очарований“.

Кроме этого, слова письма „[Но ваша душа] да и что такое душа [без вашего взгляда] не имеющая ни взора, ни мелодии — разве что мелодию“ являются перифразом стихов:

Из наслаждений жизни
 Одной любви музыка уступает;
 Но и любовь мелодия...

Эти строки из „Каменного гостя“ в виде афоризма Пушкин вписал еще 1 марта 1828 г. в альбом известной пианистки Шимановской. Не та же ли неизвестная женщина, к которой

¹ «Дневник Кюхельбекера», Л. 1929, стр. 42. Запись от 17 февраля 1832 года, сделанная в день получения 8-й главы «Евгения Онегина».

² Там же, стр. 50. Запись от 1 мая 1832 г.

написаны эти французские письма, вдохновила Пушкина на стихотворение „В последний раз твой образ милый“, тоже написанное осенью 1830 года в Болдине?

Т. Зенер

II

Новые автографы Пушкина

В марте 1932 г. в Праге Славянской библиотекой министерства иностранных дел и библиотекой Чешского народного музея была организована выставка „Пушкин и его эпоха“. В каталоге выставки, содержащем описание пушкинианы, дано описание четырех автографов Пушкина. (Výstava „Puškin a jeho doba“. Puškiniana. Katalog díla Puškinova a Prací o něm. Nácladem matice české a slovanského ústavu v Praze 1932). Один из этих автографов, хранящийся в библиотеке Чешского народного музея, „О, Делия драгая“, давно известен (снимок с него воспроизведен в I т. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, стр. 66, и кроме того фотоснимок в точный размер подлинника в настоящее время хранится в Центральном литературном музее), но три других, принадлежащих частным лицам, до сих пор известны не были.

Автографы эти следующие: стихотворение „Нет, нет: не должен я, не смею, не могу“ из альбома Pauline Barténieff; запись в ее же альбоме из „Каменного гостя“; альбом в настоящее время принадлежит Н. А. Константинову (Париж); письмо Пушкина к гр. А. И. Чернышеву, принадлежащее теперь М. Б. Сустер (Прага)

Стихотворение „Нет, нет: не должен я...“ писано чернилами на белой (пожелтевшей) бумаге большого почтового формата; имеющиеся следы сгибов позволяют предположить, что рукопись была сложена вчетверо и позднее вшита в альбом, где и находится, между 15-м и 16-м листами (всего в альбоме 74 номер. листа, в кожаном переплете); размер рукописи 20 × 24 сант. (Таков и размер альбома).

Приводим текст автографа с сохранением орфографии и пунктуации Пушкина.

Нѣтъ, нѣтъ: не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться
Спокойствіе мое я строго берегу
Я сердцу не даю пылать и забываться

З В Е Н Ь Я

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛАД. БОНЧ-
БРУЕВИЧА и А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

II

«А С А Д Е М І А»
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1 9 3 3